

18+

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

РОМАН №22 ГАЗЕТА

Рахимжан Отарбаев / Амазонки нашего аула

90
лет

ОТАРБАЕВ Рахимжан

родился в 1956 году в Курмангазинском районе Атырауской области Казахстана. Окончил Уральский пединститут имени Пушкина.

Творческую работу начал в редакции газеты «Казак эдебиети», заведовал отделом в журнале «Жалын», был атташе в посольстве Республики Казахстан, председателем Мангистауской телерадиокомпании, директором драмтеатра, заведовал сектором администрации Президента Республики Казахстан.

В 2009 году назначен Генеральным директором Национальной академической библиотеки.

Р. Отарбаев — известный писатель и драматург, член правления Союза писателей РК и казахского Пен-клуба. Лауреат Премии им. Махамбета, Международной премии им. Чингиза Айтматова. Академик, Заслуженный деятель культуры Республики Казахстан. Его произведения переведены на русский, киргизский, турецкий, арабский, английский языки.

Живет в Астане.

Из очерка Георгия Пряхина «И смех, и слёзы, и любовь»

С Рахимжаном Отарбаевым я долгое время был знаком только по телефону. Время от времени он звонил мне из Астаны, и я слышал негромкий, с хрипотцой, голос человека, старающегося безукоризненно подбирать и произносить русские слова и потому выдающего их как начальные, вразрядку, капли степного летнего дождя. И про себя думал: ну, вот уже и казахи *стараются* — былая всеобщая русская скороговорка постепенно сходит с былых имперских территорий.

А что остаётся? В данном случае, уверяю вас, потерь нет. Ведь есть вещи и поважней артикуляции. Русская культура, наша общая, под одним не очень ласковым небом сконденсированная живительная влага проникла, пропиталась, в данном случае до самых корней, соединившись с другой древней, феерической духовной субстанцией — Отарбаев пишет на подчёркнуто казахском, но смех сквозь слёзы в нём так узнаваем.

...На примере Рахимжана Отарбаева можно судить, что нарождается сегодня в серьёзной казахской литературе — не пустоцветы.

Чем отличается мудрый человек от умных? Много дефиниций есть на этот счет. У каждого своя — и у меня тоже. Я считаю, что умные часто посмеиваются над *другими*, а мудрый — над собой. Даже в тех отарбаевских рассказах, где автор, рассказчик формально не присутствует, его улыбка, в меру озорная и в ещё большей мере печальная, всё равно витает над этой незримой, отсутствующей фигурой. У каждого из нас свой нимб, а у кого какой — это уж кому как повезёт, кто у какой раздачи достоялся.

Мне этот автор интересен ещё и тем, что в чём-то повторяет и мою собственную молодость: до недавнего времени трудился в серьёзных властных структурах Казахстана. В какой-то степени это в традициях и русской, и казахской литературы: и Фёдор Достоевский, и его

юный друг, казах Чокан Валиханов, ходили в шинелях, правда, разной выделки. Шинелью, только более нежной фактуры, был и дипломатический фрак отарбаевского коллеги Фёдора Тютчева. На одни должности нас назначают живые люди, на другие — Судьба. И мне кажется, что в случае с писателем Рахимжаном Отарбаевым она, Судьба, не ошиблась.

...С помощью этого человека, даже посредством этого человека — не только через его творчество — узнаю тот Казахстан, который либо был для меня когда-то сокрыт, либо народился в новейшие уже времена.

...Отарбаев же и открывает нам мифологический и даже мистический Казахстан.

Его рассказы и повести действительно пронизаны, как неким дальним, мерцающим отсветом, преданиями и верованиями своего народа.

В большинстве своём современные и даже остросовременные по сюжету, они приобретают феноменальную особенность. Их корешки сокрыты. Они не висят в воздухе. Они — не гидропонного происхождения. Уходят куда-то вглубь, и это придаёт лучшим вещам Отарбаева стереоскопичность, дополнительный объём и ту многозначность, без которой не бывает подлинного искусства. Они не просто неоднородны — они и сами мерцают, как будто бы со дна.

...Его герои смеются и плачут. А как замечательно причитают эти его зачастую совсем не литературные герои! Да, плачут, правда, тоже чаще, чем смеются.

А смех сквозь слёзы, до слёз на ресницах, как и любовь до слёз это и есть литература. Особенно сегодняшняя. Особенно настоящая.

ТАНЕЦ

В тот день в аэропорту города Атырау, протяжно про-стонав, приземлился вместительный иностранный авиалайнер. Нетерпеливые пассажиры буквально кубарем вывалились из него. Первая неделя сентября. Одарив ласковым солнечным теплом, она преобразовала всё вокруг. Густая лавина людей, изрядно утомленная соседством пестрых облаков, быстро пересекла зал ожидания и хлынула к выходу.

В толпе Камилла смотрелась обособленно с грациозной походкой и правильными чертами лица, тронутого легким орнаментом морщин. Она не спешила. Подол синего платья, достигая шиколоток, спереди расходился глубоким разрезом. Её полные икры цвета багровой таволги при каждом шаге притягивали взгляды окружающих, сами говоря, что «ездила на курорт и загорела под жарким солнцем».

Жила она в соседнем Уральске. Как обычно встречающие её на этот раз почему-то запаздывали. Камилла в нетерпении оглядывалась по сторонам. Поблескивали, будто тоскуя по кому-то, и две небесные бриллиантовые серьги, украшавшие её уши.

По её лицу пробежала обиженная дрожь, мелкие морщины переломились. На шее выступили легкие красные пятна. Исчезла былая мягкость выражения, в больших черных глазах пробудилась твердость.

— Эй! — обратилась она повелительным тоном к стоящему под высоким тополем худощавому, с симпатичными усами на светлом лице, парню. — Ты таксист?

Тот от неожиданности вздрогнул, но учтиво улыбнулся:

— Если прикажете, будем.

— Отвези в Уральск! Что попросишь, то и получишь...

Старенький «Мерседес» лениво выехал на главную дорогу. Устроившись на заднее сиденье, Камилла стала понемногу приходить в себя. Украшенное морщинками симпатичное лицо вновь приобрело исчезнувшую было мягкость.

Что там он бормочет? О чём он? Как будто из-под одеяла, говорил бы погромче! Э, так он, бедняга, говорит: «Ослепляет голубой сапфир на вашем безмянном пальце, когда вы гладите лицо, его блики, отражаясь в переднем зеркале, слепят мне глаза!»

Раньше, когда ластилась перед мужем, то высовывала меж сладкими губами кончик языка, и показывала его, беззвучно посмеиваясь. О, тогда её большие глаза излучали волшебный, чарующий свет. Она попыталась воскресить эту улыбку.

— Как зовут тебя?

— Жанибек.

— Ладно, Жанибек. Следи лучше за дорогой, а не за моими пальцами.

Покойный муж её был статным, широкой души человеком. Может, благодаря этому на протяжении всей своей жизни почивал в дорогах кабинетах, с лениво открывающимися дубовыми дверями. К подчиненным был добр. Перед уходом на пенсию организовал коллективное путешествие по Южной Африке. Она тоже купалась там, у скалистых берегов, рядом с пингвинами, не боящимися людей. Воды тех мест так притягательны, так мягки, — словно шёлковая вуаль. Обволакивая всё тело тёплым своим течением, щекотали и будоражили чувства. Вот тогда, разгуливая по дорогим магазинам Кейптауна, он и подарил ей среди множества других подарков синее платье и кольцо с синим драгоценным камнем. И жёлтое платье, и кольцо с жёлтым драгоценным камнем.

— Зачем покупаешь их так попарно? Замуж выдать, что ли, решил? — шутила тогда она, высунув меж сладостными губами кончик своего острого язычка.

— Синее — в память о нашей ушедшей молодости. А жёлтое станешь носить тогда, когда придёт пора скучать обо мне.

От улыбки мужа, медленно поглаживающего левую сторону груди, стало не по себе.

— Не мели чушь! По приезду сразу же пойдёшь лечиться. Работа не сбежит.

— Посмотрим. Кто не болеет в наше время?

Но его слова оказались пророческими. Не прошло и шести месяцев, как она примерила жёлтое платье. Разукрасила пальцы жёлтыми камнями. Куда ей, такой, было податься? Коротала в одиночестве вечера, погружаясь в печаль. Мечтала о прошлом. Но по истечении времени оказалось, что не только жёлтое платье, но и сама память о прошлом — изнашивается.

...Издали разом показались мерцающие огни Уральска. Изрядно вымотавшийся от езды, худощавый, светлолицый парень с красивыми усами, повернул голову и вежливо спросил:

— Вы не устали?

И, оголив ровные, белоснежные зубы, улыбнулся. До этого не заметила, но сейчас обратила внимание: на вид довольно приятен.

— Нет, спасибо. Давно на такси?
 — Несколько лет. Был инженером. Семья, дети — вот и бегаю, бомблю.
 — Семья большая?
 — Жену Асем зовут. Есть мальчуган и дочка.
 — Это хорошо, — сказала, почему-то довольная его ответом. И погладила пальцами своё красивое лицо с едва заметной сеткой морщин.

— На этой улице заверни вправо. Вон тот высокий коттедж.

Возвращению Камиллы с курорта больше всех радовались собака да кошка. В её отсутствие за домом присматривали соседи. Ляззат¹, игриво ласкаясь, бросился на шею. А Саки², мяукая, всё норовила запрыгнуть на колени. Когда-то их приютил покойный муж. Принес в дом ещё слепыми.

— Зачем давать щенку женское имя Ляззат? — недоумевала она тогда.

— А что в этом плохого? Посмотри, как лакает молоко. А кошку назовем Сак. Носик-то у неё красный. Значит, чуткая на нюх. Если приобретем попугая, давай назовем Терге³. Сидя в клетке, будет устраивать допросы всем нашим гостям.

Улыбка, не сходявшая с его красивого, смуглого лица, до сих пор мерцает перед глазами. Он как будто бы знал, что недолгим будет его срок в этом мире — в том числе и срок их совместного счастья. Был бы он жив, бродила бы она вот так, в одиночестве, по курортам? Ездил бы по ночам на случайных такси? Вон ведь, во дворе, словно ахалтекинец на привязи, стоит «Лендкрузер». В полной сбруе, да без хозяина. Был бы хозяин жив... Да пропади оно всё пропадом: за семь лет её безутешных оплакиваний не смог хотя бы приподнять голову и вымолвить хотя бы пару слов...

— Вы устали с дороги. Я поеду, — сказал Жанибек, заноса сумки в дом. — Заплатили больше нужного. Большое спасибо!

— И куда ты поедешь среди ночи?

— В гостиницу. Начнет светать, двинусь обратно.

Внимательно взглянула на его лицо. Волевой парень. Если б кто-нибудь запустил его ввысь, опередил бы многих. Ясно, что извоз томит его. Таким-то в большинстве случаев и перерезают путь наверх. Перерезают не только завистники, но и множество мелких жизненных неурядиц. Отягощая их и, в конце концов, ломая... А то бы...

— Куда тебе, ночуй здесь. Сейчас приготовлю чай.

В одно мгновение накрыла дастархан, из кухни принесла закипевший чайник. Сразу же за ним подоспел и заварник. Поставила виски. Домашнее масло вместе с чёрной икрой завораживали глаза. А какой казы, нарезанный щедрой рукой! Прямо тает во рту...

— Попробуй, Жанибек, — сказала Камилла по-свойски, бросая лед в широкий бокал с виски. — Выпей. Сразу взбодришься.

¹ Ляззат — удовольствие.

² Сак — настороженный.

³ Терге — вести следствие.

Беседа в разгаре. Оказалось, что его Асем — учительница в школе. Дочь учится на третьем курсе в университете. Сын оказался на редкость шкодливым, поэтому и не получил должного образования.

— Сам я был на заводе ведущим инженером. Сменилось начальство, попал под сокращение. А за дочкой скоро сватов засылать собираются. Выхода не осталась, пришлось сесть за баранку, так и стал таксистом, — откровенничал он. Тепло холодного виски распространялось по всему телу и развязывало ему язык. — Узнал, что будущий сват — нефтяник, говорят, очень состоятельный. А если сваты нагрянут как снег на голову, то как мы покажем им нашу тесную двушку? Да ничего поделывать не можем. В наше время что без денег, что босой — одно и то же.

— Скажи, сколько зарабатываешь в месяц?

— Где-то тысячу долларов.

Рассказы Жанибека с каждым глотком виски становились для неё все приятней и притягательней. Он откровенен и добродушен, словно прохладный ветер, заглядывающий в оголённую грудь. Как она раньше это не заметила?

Жанибек, оглядывая мебель, вырезанную из красного дерева, невольно вымолвил:

— Хозяин?..

Не успел закончить начатое, как его перебила Камилла.

— Вдова я. Судьба-завистница забрала у меня единственного. Хорошего человека всегда настигает беда там, где её не ожидаешь.

У неё даже шея покраснела, красивое лицо под сетью мелких морщин опалило то ли сожаление, то ли безысходность. Слезы, заполнившие глаза, так и не смогли прокатиться по щекам. Поплескали в глазницах и исчезли.

После того как иссякла пухлая бутылка, в противоположных комнатах дома была приготовлена постель.

...Камилла думала, что после первого же прикосновения к подушке её окутает сон. Да вышло не так. Давно уже она не прикасалось к спиртному. Теперь, в тёмной комнате, тело горело пламенем. Дикие фантазии манили за собой, а воспоминания об ушедшей молодости то и дело подглядывали в окна её души.

Было время, когда она переступила порог этого дома молоденькой невесткой. Хотя и была желанной для суженого, но всегда ловила на себе хмурые взгляды свекрови. Свёкор же её не донимал. Был высоким, спокойным человеком. За всю совместную жизнь муж не произнес в её адрес ни единого худого слова. Только его мать, бабка-колотушка, до конца своих дней всё зудела и зудела.

— Взял в жены дочь шалаказахов...⁴ Привёл в дом бесплодную змею, ишь как извивается... Не будет с неё проку!

Но укусы свекрови она переносила равнодушно. Всё ещё впереди, мы ещё молодые, успокаивала се-

⁴ Шалаказах — метис.

ба, ещё пойдут детки. Но разве можно увернуться от всепоглощающего времени, которое даже птиц на лету ловит, хватая за крылья?

Так и завершили свой век дед с бабкой в мечтах о внуке. Муж не подавал виду, но теперь уже терпение самой Камиллы было на исходе.

— Разведись! Не хочу больше мучить тебя. Я не обижусь, — сказала она в одну весеннюю ночь.

Он же ушёл от ответа. Позже она узнала, что ушёл не только в переносном, но и в прямом смысле: пошёл просить совета в Обком.

— Тебе доверили огромное предприятие. И ни о каком разводе даже и не говори! Партия такого не простит! — со всей суровостью сказал тогда ему секретарь.

— Но женился ведь я, а не партия...

— С партбилетом в кармане можно жить только с одной женщиной! И только со своей законной женой. А ты — как никудышный бык-производитель... Хватит, товарищ! Если будешь возражать, то можешь идти на все четыре стороны! Без партбилета — живи, с кем хочешь.

Больше возражать начинающий начальник не отважился. Утихомирился, успокоился. В один из дней предложил Камилле:

— Может, усыновим ребенка?

Но теперь она уже не хотела уступать. В самом деле: ну возьмет он рано или поздно из толпы сирот, шумящей как индюшата, одного их них. А какого он происхождения? Вдруг кровь его отца была дурной или мать чем-то болела неизлечимым? А может, порода неисправимых аферистов и головорезов. Потом, по мере взросления, всё проявится в повадках и характере приемыша. Устроит в доме погром! Воюй потом с тем, кого сама и вскормила молоком!..

Так и прислушивалась сквозь свои же вдовьи мысли в сторону открытых дверей. Худощавый, светлицыный парень с красивыми усами вроде тоже не спит. Как будто что-то окутало и его мысли — временами грузно вздыхает...

Да, дети у неё так и не появились. Нечем было утешиться. И Камилла всем своим необузданным нравом ринулась в гонку за богатством. А это — как мираж. Как ни гонишься, не догонишь. Хочется больше и больше. Остановишься, а всё равно будет что-то, недостижимое, манить, мерцать перед глазами. Не догонишь. В старину говорили: «Для бесплодной женщины имущество заменяет дитя. И в уходе за добром так и пройдет вся её бесплодная жизнь».

...Не вспоминать! Не думать! Вскочила с места. Всё тело в жару. Налила себе прохладной воды. Но жар не затухал.

Как будто камень запрятан под её мягкой, пуховой постелью. Поворачивалась с одного бока на другой, а он всё равно оказывался прямо под душой.

Зачем же она, как сорока, падкая на все блестящее, собирала все это проклятое богатство? Кому

намеревалась оставить в наследство? Вон стоит же всё безмолвным грузом. Если вдруг занедужишь и обессилишь, некому будет поднести каплю живой влаги! Вот и получается, что ничто не может восполнить отсутствие пусть похожего на лягушонка, но своего ребенка. Во всяком случае, почему же она не остановила свой выбор на ком-то, кто мог ей стать опорой к старости? В создавшемся положении пожила бы если не для тела, то хотя бы для души...

— Жанибек!

Сама не ожидала от себя такой прыти.

— Камилла?..

— Иди сюда!

Укрывавшее его одеяло спало на пол... Камень, не дававший покоя бокам, сразу же исчез, мягкая пуховая постель закачалась, как на волнах...

Снаружи, срывая цепь, свирепо лаял Ляззат. Озлобленно бегал, гремя цепью, назад и вперед по натянутой проволоке. Тонким голоском, словно запавший высокий звук гармонии, мяукала Сак. И как хорошо, что этого не видит Тот, кто подобрал её и год назад ушел из жизни, а иначе проклял бы эту пару, до позднего утра не выпускавшую друг друга из жарких объятий.

Как только насытилось истосковавшееся желанием тело, Камилла, растягивая каждое слово словно жвачку, предложила:

— Будешь возить меня... Две тысячи долларов... Все твои проблемы решу...

Каждым словом затягивала, как петлею. Худощавый, светлицыный довольно улыбнулся.

Спустя неделю Жанибек возвратился. Заметно было, что Камилла томилась в ожидании: заведев его, преобразилась, расцвела. Морщины на лице почти разгладились. Теперь глядела на мир не сквозь печаль, а глазами, полными нежности. Жёлтое платье и кольцо с жёлтым драгоценным камнем безвозвратно погребены на дне сундука, перешедшего ей от свекрови.

В ту ночь, когда они, как и в прошлый раз, заставили в бешенстве лаять собаку и протяжно мяукать кошку, во сне к ней явился покойный муж.

Сидел, угрюмый, повернувшись к ней боком, как делал это и при жизни, когда был чем-то недоволен.

— Перестала ходить на могилу, — говорил он. — Что ж, больше не надевай синее платье и не носи кольцо с синим драгоценным камнем. Купи себе то, что тебе сейчас больше всего подходит. И не мучай собаку с кошкой, пожалей, отдай их в добрые руки...

Она тоже хотела было ответить, но в горле что-то встало комом, пересохло во рту, язык не повиновался. Проснулась вся в поту.

— Обвиняй, как можешь, — начала препираться с покойным мужем, когда проснулась. — До каких же пор буду одинока? Хоть бы одна живая душа раз заглянула в двери... Думаешь, не знала про твои похождения? Все время крутился вокруг той незамужней, с игриво смеющимися глазами, женщины, что работала у тебя. Я свой язык прикусила и молчала.

Пускай уж возьмет свое, если я недодала. Думал, что я ничего не знала и не слышала?

После разговора с покойным мужем она вздохнула с облегчением...

Худошавый парень, спустя какое-то время, заметно поправился, появилось брюшко, стал ещё красивее. Перевёз своих на новую квартиру, чем сильно обрадовал их. Выдал замуж дочку, проводил её под венец, как полагается.

Народу рот не закроешь. Доходы твои и расходы не оставят в покое даже постороннего человека. Родственники же, которые не способны тебе помочь в нужде, будут завистливо коситься на твой достаток. Иначе и кусок им в горло не полезет.

— Вон оно что!.. А мы-то гадали, какой у Жанибека бизнес, а он пригрелся под крылышком одной безумной старушки.

— И потихонечку, как ловкая мышь, таскает к себе в дом добро, оставленное ещё её мужем.

— А что ж ему делать, если башка не варит, а руки не шарят?

— Должен же иметь выгоду от какого-то места.

— Чем богатеть на таком, уж лучше голодать. Бедолага.

Подобные сплетни, как ползучие змеи с раздвоенным языком, дошли и до Асем. Даже один из её сверстников как-то подшутил:

— Ты что, хочешь сказать: подкраситься — мужа боюсь, а не подкрашусь — токалки¹ страшусь?

О, неразумный!

В тот день Жанибек сразу по приезду домой нарвался на скандал. Опухшие глаза Асем извергали ярость.

— Думала, что это за такая щедрая иностранная компания?.. А всё, что ты говорил, оказывается, ложь! Пригрелся у старухи, которая вдвое старше тебя. Стыд какой!.. Как я теперь людям в глаза посмотрю? Лучше бы выбрал девушку на двадцать лет моложе меня, я бы ноги тебе целовала... Да если тебе мало меня...

Выдержать женский пронзительный клёкот, пронизывающий до костей, дело трудное. Но правда, злополучная правда, опутала со всех сторон.

— Да ведь я пошёл на это лишь ради вас! Достаток, что пришёл к нам, — не свалился с небес, — вымолвил он умоляющим голосом.

— Смотреть жалко на твои нюни. Вон сын твой, погляди: ни учёбы, ни работы. Связался с такими же, как сам, хулиганями, анашой балуется. Пришел домой за полночь. Вид неменяемый. Тебе не до него. Ты занят своими интересами, думаешь, сможешь ему уделить внимание?!

Он не помнил, как сел на «Лендкрузер», стоящий возле дома. Пришёл в себя только тогда, когда, словно падающая звезда, стремительно нёсся по трассе.

В тот день Жанибек собирался на свадьбу к дальним родственникам в Астану.

— Я тоже поеду, — сказала, зажигаясь ни с того ни с сего Камилла. — Уже два года, как я тебе как жена, и что ж, нельзя мне с тобою выйти на люди? Или, может, не к лицу я тебе, а?

— Ладно. Поедем вместе.

— Асем на свадьбу тоже едет?

— Может, и так...

В один из дней в её дом нагрязнула сестра покойного мужа. И сразу же начала браниться со вдовой снохой.

— Всё состояние, что по крупичам собирал мой брат, ты сливаешь как воду. Твердили ему при жизни, чтобы он палкой прогнал бесплодную суку! Да разве послушался?! Ходил, как заговоренный. А мы уже тогда знали, что осквернишь ты его чистое имя. На ложе лебедя пригреешь какую-то ворону... В день, когда ты сохнешь, отберу у тебя всё через суд — и коттедж, и машину. Да будет проклято моё имя, если я так не сделаю! Подожди! Вот увидишь! — кричала в истерике золовка.

«Жди! Получишь!» — сказала про себя Камилла, сдерживая ярость. — Тебе даже нитки не оставлю. Всё, что есть, передам Жанибеку, в крайнем случае, — кошке с собакой в наследство оставлю.

...В белоснежном ресторане Астаны свадьба в самом разгаре. Рядом с белолицым парнем с красивыми усами сидела и она в голубом платье, сверкая своими драгоценностями. Да, здесь всё не так, как на родине. Астанчане — народ странный. Никого не волнует, кто с кем пришёл и кто что ест и пьёт, во что одет?! Публика здесь покультурнее.

Асем, сидевшая за другим столом, даже не посмотрела в их сторону. Каждое её движение — под незаметным, но пристальным присмотром Камиллы. Жанибек осведомил её о домашнем скандале. Видя, как та страдает и переживает, пришлось «старшей жене» купить недорогую автомашину. Говорят, гоняет всюю. После подарка хоть зубы и точит, но злобы поубавилось...

А кто же это сидит рядом? Видно, проворный, с надутыми, как у суслика, набравшего в рот зерна, щечками. Блистая бусинками глаз, что-то успевает шептать Асем на ушко. Она же кокетливо улыбается и вертит по сторонам шей.

Внимательно посмотрела на Жанибека. Тот хоть и помрачнел, но виду старается не показывать.

— Не переживай. Всё в порядке, — улыбаясь, сказала Камилла и, как прежде, высунула меж сладкими губами кончик языка. — Вот увидишь, ещё помиримся. Давай, как все — есть-пить и музыку слушать...

Когда начались танцы, потянула за руку Жанибека и вышла на середину. Головокружительная музыка затягивала гостей в свой водоворот и возбуждала людей. И, наконец, переросла в настоящий вихрь. Камилла, блистая лазурными серьгами и кольцами, пустилась в самозабвенный танец. Разгоряченная, она уже не могла остановиться.

¹ Токал — так называют вторую жену.

В толпе танцующих иногда промелькнет и Асем. Гибкая и изящная, не красавица, но симпатичная. Опечаленный робкий взгляд карих глаз, щёки покраснелись. Только не покачиваясь в такт, а стуча правой ногой о паркет и подскакивая. Такой уж, наверно, партнер. Под стук каблука ещё и прикрикивает, будто хочет обратить на себя всеобщее внимание. Конечно, поправив за чужой счет дела, сев на железного коня, трудно не раздуть ноздри. Трудно, видно, устоять, чтобы не попинать землю? Думает ли она, что в один миг может всего лишиться? А коли чувствует, то почему не соизволит подойти и с почтением поздороваться? Что бы она делала, если бы полностью лишилась поддержки мужа? Какая неблагодарная: за целый месяц отпускает его на одну недельку, разве что понюхать?!

От сбивчивых и горьких мыслей она совсем разошлась...

Снова и снова, собрав подол своего голубого платья в пригоршню, она кружилась, порхая вокруг Жанибека, не обращая внимания на колики в сердце и боли в икрах. Улучив момент, на всеобщее обозрение, выкинула даже цыганский номер, на полусогнутых коленях, гордо откинув голову назад, начала колыхать своей ещё пышной грудью...

И только выпрямиться уже не сумела. Перед глазами вспыхнул целый сноп красно-зеленых кружочков... Кто-то пронзительно кричит, что ли? Что за причуды в культурном обществе: не скот же погоняют?.. Так рядом был муж, а не Жанибек вовсе. Как проглядела? В самом деле, он не изворачивается, как этот, а раскрывает широкие объятия, вот именно, вот так, взмахивая руками, словно крыльями гусь, плавно танцует, словно хочет взлететь. Вон женщина — это её свекровь. Она тоже пришла на свадьбу? Улыбается ей и машет рукой. Незабвенная, какой хороший человек! Как же этого она не заметила? Что здесь потеряли её собака и её кошка? Они тоже так любили этот танец брэнного мира...

Как стояла, так и рухнула навзничь.

— Что попросишь, то и возьми! Спаси! — кричал Жанибек, схватив за грудки доктора прибывшей «скорой помощи». Тот лишь беспомощно качал головой.

А сумасшедшая громкая музыка с новой силой всё гремела и гремела.